

3 октября — 145 лет со дня рождения русского писателя

Ивана Сергеевича ШМЕЛЁВА (1873–1950)

Иван Шмелёв ПОЛОЧКА (Из воспоминаний моего приятеля)

У меня до сих пор хранится деревянная полочка, сделанная из стенки ящика, в котором когда-то лежали макароны. Стоит нагнуть — и увидишь подпись, сделанную густой чёрной краской:

Самые лучшие итальянские макароны.

Конечно, это не совсем красиво, но я ревниво оберегаю эту надпись, очень мало подходящую к тому, что хранится на полочке.

Книги и... макароны!

Но буду рассказывать по порядку.

Впервые я увидел дядю, когда мне было лет девять. Мы только что приехали из другого города, где я родился, а дядя по старости не выезжал никуда и, должно быть, знал обо мне только по письмам.

Случилось как-то, что нашего дворника послали к дяде с запиской, и я, потеряв терпение, не сказав никому ни слова, отправился самостоятельно. Это была дерзость, в которой я не раскаиваюсь.

В углу, у окна, в глубоком кожаном кресле сидел он, мой дядя, и держал книгу. На коврике, у его ног, спал крупный дымчатый кот.

Я стоял в дверях, не решаясь переступить. Дядя услышал шорох, повернул голову, и я увидел худое, плохо выбритое лицо и всматривающиеся усталые глаза. Казалось, он старался понять, кто я такой. Я шаркнул ножкой и поклонился. Дядя пожал плечами. Путаясь в словах, я объяснил, кто я такой.

— Поди-ка сюда, голова, — сказал он и помял пальцем.

Я приблизился с чувством благоговения и некоторого страха.

— Вот ты какой, — сказал дядя и потрепал меня по щеке. — Каков, однако, ферт! Один заявился!.. Ну, здравствуй. Так это ты большой любитель чтения?

В тоне голоса я уловил похвалу и из скромности опустил глаза.

— Очень рад тебя видеть...

Из проволочной корзинки он достал яблоко и дал мне.

Через пять минут я был как дома, сидел на скамеечке, рядом с храпевшим котом, глазел на поразившие меня ряды книг.

Сова под потолком сидела по-прежнему недвижимо. «Она не любит дня, — раздумывал я, — и теперь присмирела, а вот наступит ночь, и тогда...»

— Ну, что ты читал, дружок? — спрашивал дядя.

Что я читал! Я сейчас же захотел показать дяде, с кем он имеет дело, и с жаром принялся перечислять, что читал.

— Я все-таки порядочно прочёл, дядя, — говорил я. — Про «Заколдованную могилу», про «Храбрую шайку и атамана Кольцо», про «Солдата и семь разбойников», про... Тпррр... — остановил меня дядя. — Да ты

профессор! Кто же тебе такие книги давал?

Это была моя тайна. У меня дома уже отобрали две трепаные книжечки и допытывались, откуда их добыл. Но я не сказал. Я боялся, что их отберут и от нашего дворника, у которого я доставал их. Здесь же мне ничто не угрожало, я имел случай познакомиться с одним любителем чтения и моим другом и сказал откровенно:

— Мне давал их наш дворник Степан. У него их во-от сколько! — показал я руками.

— Так-так... Только все это глупости, — сказал дядя. — Надо читать хорошие книги, где говорится о жизни. Видишь, стоят они, — указал он на полки. — Каждая из них — часть сердца человека, которого называют писателем!

Я посмотрел на книги. В сумеречных тенях они уже сливались в сплошную стену.

— Книга не Петрушка, — продолжал дядя, тряся пальцем, — она не для смеху пишется! Она должна указывать людям, как надо и как не надо жить...

Я слушал и хлопал глазами. Оказывалось, мы со Степаном даром тратили пятяки.

Дядя подставил к книжной стенке лезенку и, кряхтя, полез вверх.

— На-ка вот «Сказки Андерсена», это будет получше твоих «солдат» и «разбойников».

Должно быть, радость, которую я пережил в этот момент, отразилась на моей физиономии: дядя взял меня за подбородок и, глядя в глаза, сказал:

— Книжки, которые я буду давать тебе, можешь оставлять у себя. Пусть это будет началом твоей библиотеки. Пусть они будут твоими друзьями.

Вошел старичок и зажег лампу.

— Ответа дожидается, с ими-то который пришёл, — сказал он.

Я вспомнил о Степане.

— Позови сюда, — сказал дядя.

Слышались осторожные шаги и покашливание. Степан остановился в дверях и высунул голову. Я заметил, как у него метнулись глаза, окинули полки и с почтением остановились на дяде. Он прямо впивался в него, с благоговением слушая о какой-то переносной печке. Но его левый глаз сильно косился на полки.

— Да... — вспомнил дядя. — Ты это давал ему книжки?

Степан съёжился и искоса поглядел на меня.

— Так... баловство-с... пустые сказки-с... Он оправдывался и продолжал коситься.

— И брось их! Любишь читать?

— Я... конечно... ежели от скуки, обожаю...

Дядя подумал и достал книгу.

— Почитай, только не мажь.

Надо было видеть Степана! Он подался вперед и вытянул руки, точно принимал благословение.

Когда мы вышли на улицу, Степан сунул книгу за пазуху, в полушубок.

— Что, Степан? — спрашивал я, забегая вперед и заглядывая в лицо. — Что, видел?

— Видел, — ответил он. — Откуда он их набрал?

— А ну-ка, покажи, про что?

Мы остановились у фонаря, и Степан вынул книгу.

— «Издание... третье...» Гм... «С портре-том, гра-ви-ро-ван-ным...»

Степан посмотрел на меня, я на него.

— Должно, учёная книга... — сказал он. — Обязательно прочитаю.

После ужина я забежал в кухню. Разложив на столе полотенце и спустив руки на край стола, Степан читал при свете маленькой лампочки. На лбу его сверкали

капельки пота.

— Что, Степан, интересно?

Он поднял голову и шмурыгнул носом.

— Дюже хорошо! — сказал он, вздыхая. — Про «Записки охотника»... Тут про нашу хресьянскую жизнь сказано. Так, што это прямо что-нибудь особенное!..

— Ишь, весь стол захватил! — сказала кухарка. — Карасин тратишь...

Я сказал ей, что обязательно надо читать, — пусть она даже у дяди спросит. Степан сдвинул листок на другую сторону — он боялся замазать пальцами — и сказал:

— Это все дикое необразование. Книга надлежит для научного употребления, а карасин для света!

Я с ним вполне согласился.

Мне не запрещали бывать у дяди: он сам просил отпускать меня. И сколько славных вечеров провёл я!

Однажды дядя рассказывал мне, как он ещё мальчиком начал составлять себе библиотеку, покупал и собирал книги. Я смотрел на полки, и вдруг во мне вспыхнула мысль. Я взял дядю за руку и сказал:

— Дядя, дайте мне ваш ящик!

Он с недоумением посмотрел на меня.

— Ящик? Какой ящик?..

Я объяснил, что видел в коридоре большой ящик, в котором, как я знал, привезли дяде книги. Это-то и было особенно дорого мне. Я сказал, что хочу сделать полочку и расставить на ней все свои книги.

— Так лучше я куплю тебе этажерку!

— Нет, дядя! — заупрямился я. — Я хочу полочку, как у вас... из вашего ящика!

Он назвал меня чудаком и позволил взять ящик. Помню, при свете лампы мне бросилась в глаза чёрная надпись:

Самые лучшие итальянские макароны.

— Мне бы только вот эту доску... — указывал я.

Почему мне понравилась эта надпись, не знаю. Может быть, я подумал тогда, что с этой надписью я никогда не забуду, где достал эту полочку. Мне отбили бочок с надписью. И в следующий мой приход дядя спросил:

— Ну, как твои «макароны»?

Я рассказал, как ловко устроил полочку на гвоздях и бечёвках и как вышло красиво. Должно быть, я очень горячо говорил, потому что дядя потрогал мой лоб и потрепал по щеке.

— И все ещё есть свободное место?

— Да, дядя, есть. Но я пока поставлю толстые словари...

— Поди-ка сюда...

Он подвел меня к крайнему окну и показал пачку книг.

— Вот я отобрал тебе... для твоей полочки, макаронщик...

Он почти никогда не улыбался, но тут все его жёлтое морщинистое лицо осветилось такой улыбкой, на меня повеяло такой душевной теплотой, что я сразу понял, как ошибались у нас дома, говоря, что у дяди нет сердца, что он чёрствый, «книжный» человек.

Он уселся в кресло и молчал.

Я гладил кота, думая о том, что слышал сегодня утром. У нас говорили, что у дяди

какая-то опасная болезнь, что дядины дни «сочтены». Говорили о каком-то наследстве и капиталах.

В камине догорали дрова. На стеклах лежали багровые от огня, сверкающие узоры мороза. Не знаю, как это вышло, — около щеки я почувствовал холодную ладонь. Я заглянул дяде в лицо, и у меня сжалось сердце: в лице его я видел выражение мучительной боли. Я опять вспомнил о его болезни, и в тишине и полутьме комнаты почудилось мне, что вот-вот надвигается что-то неотвратимое...

Я взял его руку и поднёс к губам. В груди стало тесно-тесно, закололо в глазах.

— Дядя!.. — выкрикнул я, задыхаясь и стискивая зубы.

— Что с тобой, Шура? Что ты?.. — тревожно спросил он.

Я не мог говорить. Я чувствовал, что сейчас расплачусь.

— Ну что, мой мальчик? Ну что ты? Чего ты испугался?

Он гладил меня по голове. А я держал его руку, уткнувшись носом в ручку кресла, и чувствовал, как по щекам ползут капли.

Понял ли он, о чем я плакал?

— Ну вот... — говорил он. — Теперь у меня завелся маленький друг...

Я слышал, как он вздохнул.

— А есть у вас еще друзья? — спросил я, польщённый, что дядя назвал меня своим другом.

— Были... и... умерли... — сказал он и сморщил брови. — Вот теперь мои друзья, — указал он на книги. — Это, брат, самые верные друзья!..

С шорохом поползла сломившаяся в середине головешка, дядя шевельнулся и тронул меня за плечо.

— Вот что, дружок, — сказал он. — Видишь эти две полки у окон?..

— Вижу, — сказал я.

— Ну вот... Здесь собраны все наши родные писатели... самое дорогое, что у меня есть... Это твои полки. Помни, они твои! — Мои?.. Все эти книги?!

— Да! — как-то особенно веско сказал он. — Я... отказываю их тебе.

Он вынул записную, с золотым обрезом, книжечку и стал что-то писать карандашом.

— Ты получишь их.

«Отказываю»... Я понимал грустный смысл этого слова. Хотелось плакать, и все же что-то отвлекало меня. Мои книги! Их было так много! И все были в чудесных — красных и зелёных переплётках с золотом!

— Дядя, — тихо сказал я, — это очень много... Мне бы хоть одну полку и...

— Что?..

— Сову... Мне страшно хочется... сову!..

— Сову?.. Ну что же... — Он поглядел вверх. — Возьми сову. Можешь взять и теперь...

Он позвал старичка и велел снять сову. Её сняли и долго чистили щёткой и вытирали глаза. Она была великолепна со своими жёлтыми зрачками и загнутым, вдавленным носом.

За мной, по обыкновению, прислали Степана. Мы шли домой торжественно, я нёс связку книг для пополнения полочки, а Степан сову.

У фонарей нас останавливали прохожие, глазели на сову, а некоторые даже приторговывались, но Степан кивал на меня и говорил важно:

— Не продажная. Эта сова знаменитая!..

— А что?.. — допытывались любопытные.

— А то! Это сова... научная... из собрания книг! Такая, братец мой, сова-а... так это прямо что-нибудь особенное!..

(в сокращении)